

***Крылов Г.Л.* Конструирование надрелигиозной национальной идентичности в Египте в XX веке**

Тесный и болезненный контакт с европейской цивилизацией в XIX в. породил в Египте несколько параллельных, а зачастую и разнонаправленных процессов, которые продолжают будоражить эту страну и по сей день. В момент столкновения динамично развивающейся Европы с погрузившимся в застой Египтом, представлявшим не только арабомусульманскую цивилизацию, но также хранившим христианское наследие и древний дух страны фараонов, со всей остротой был поставлен вопрос о сохранении египетской национальной и культурной самобытности. Цивилизационная агрессия Севера стала вызовом для Египта не только как государства, но и как общества с двумя его основными составляющими: мусульманским большинством и христианским (коптским) меньшинством.

Стремясь подтянуть Египет к уровню развитых европейских стран, в начале XIX в. правитель Мухаммед Али инициирует всеобъемлющие преобразования общественной жизни. В этом контексте значительная часть интеллектуальной элиты обратилась к светским ценностям Европы. При этом сработал и своего рода инстинкт самосохранения общества: как у мусульман, так и у христиан, почувствовавших угрозу собственной религиозной и культурной самобытности, появились деятели, ратовавшие за возрождение основ собственного вероучения, которое понималось как основной компонент уникального лица Египта. Однако религиозное возрождение или возвращение к основам (фундаментализм) не могло служить в качестве начала, объединяющего весь народ. Для сохранения единства нации нужно было нащупать нечто надрелигиозное, общее и родное для последователей обеих религий. Необходимо было переосмыслить историю Египта, проникнутую жёсткой конкуренцией между глубоко укоренившимися в его цивилизационном коде двумя монотеистическими религиями, и найти ту смутно осознаваемую национальную самость, понять, в чём именно состоит та объединяющая преемственность целей, мотивов и жизненных установок египтян, позволяющая говорить о них как об одном народе.

Эти поиски, начавшиеся в первых годах XX в. заметно интенсифицировались с обретением Египтом независимости от Британской империи в 1922 г. До этого более тысячи лет христианское меньшинство

воспринималось через призму шариатской теории зиммы – покровительства мусульманского большинства над иноверцами из числа «людей Писания»¹, ставившей последних в подчинённое положение. Принятая в 1923 г. конституция сулила кардинальные перемены: она утверждала равенство всех египтян перед законом с точки зрения прав и обязанностей, независимо от происхождения, языка или религии, гарантировала свободу вероисповедания и провозглашала свободу отправления религиозного культа в рамках норм общественного порядка и морали. Правда, конституция также закрепляла за исламом статус государственной религии, никак не оговорив статус христианства. Впоследствии это негативно отразилось на положении коптов с точки зрения гарантий им равенства с мусульманским большинством, однако тогда казалось, что долгожданное равноправие уже достигнуто. В пришедшей к власти после революции 1919 г. партии «Вафд» было немало коптов², что обеспечило успешную инкорпорацию египетских христиан в политическую жизнь. Христиане активно участвовали и в деятельности и других партий, занимали ключевые посты в правительстве. Статус партии «Вафд» как авангарда национально-освободительного движения делал её руководителей, мусульман и коптов, лидерами всего народа. Выдвигаемые ей кандидаты-христиане побеждали на выборах в округах, где большинство избирателей были мусульмане. Впервые копты вошли в правящую элиту не благодаря принадлежности к состоятельной общественной верхушке, но из-за того, что избиратели увидели в них людей, способных воплотить их общие чаяния.

Однако идеи об общей национальной идентичности, находившие поддержку во времена доминирования на политической арене партии «Вафд», отошли на периферию с её роспуском после революции 1952 г. Ни господствовавшая при президенте Гамале Абдель Насере (1956-1970) идеология панарабизма, ни тем более усилившийся при его преемнике Анваре Садате (1970-1981) исламизм не могли вписать коптов,

---

¹ Христианами и иудеями.

² Среди ближайших сторонников лидера вафдистов Саада Заглюля были два крупных землевладельца-копта с юга Египта – Синот Ханна (1875-1930) и Джордж Хайят (1862-1932). В состав египетской делегации на переговорах в Париже о будущем страны входили ещё два копта – Виса Васиф (1873-1931) и Васиф Бутрус Гали (1876-1958), сын бывшего премьер-министра Бутруса Гали. В годы революции в партию вступило большое число коптов. В 1923 году исполком партии «Вафд» включал в себя 8 мусульман и шесть коптов - помимо упомянутых четырёх деятелей, в него вошли Муркус Ханна (1872-1934) и Макрам Убейд (1889-1961). Последний в 1927-1942 гг. занимал пост генерального секретаря партии и имел репутацию одного из наиболее влиятельных политиков страны.

не являвшихся ни арабами, ни мусульманами, в парадигму единой нации³. Обжёгшись о политический ислам⁴, египетское государство при президенте Хосни Мубараке (1981-2011) благосклонно относилось к попыткам развития идеи об общей идентичности египетского народа, набиравшей популярность среди интеллектуальной элиты. Люди творческих профессий и учёные-социологи подтверждали рассуждения о единой идентичности наблюдениями за земледельческой народной культурой, общей для мусульман и коптов⁵. Символами единой общности стали и подчинённость жизни сельского труженика ритму разливов Нила, и уходящие корнями в эпоху фараонов обряды встречи весны (праздник шамм-эн-насим), и церемонии сорокового дня после рождения или смерти. Эту интеллектуальную работу публицист Талляль Асад назвал «сознательным усилием по конструированию секулярной массовой культуры для Египта»⁶. Идеей увлеклись кинематографисты и художники⁷. Выдержанные в этом ключе телефильмы 1980-1990-х гг. египетский исследователь Лиля Абу Люгуд описывает как «национальную педагогику»⁸, поясняя, что эта продукция создавалась с очевидной целью укрепления национального духа, чувства нации, распространения определённой модели национальной культуры, которая с точки зрения политической и интеллектуальной элиты являлась наиболее подходящей для общества. По наблюдению Абу Люгуд, в созданных в этот период фильмах и сериалах в качестве основной угрозы египетской самобытности воспринимаются глобализация и религиозный экстремизм, а религиозные деления и противоре-

---

³ *Gershoni, Israel and Jankowski, James P.* Egypt, Islam and the Arabs: The Search for Egyptian Nationhood, 1900-1930. New York: Oxford University Press, 1986.

⁴ Заигрывавший с политическим исламом президент А. Садат погиб от рук террориста на параде 6 октября 1981 г.

⁵ Среди наиболее заметных плодов этой работы – составленный в 1953 г. «Словарь египетских обычаев, традиций и выражений» известного литератора Ахмеда Амина [Ахмед Амин. Камус аль-адат ват-такалид валь-ибарат аль-мысрийа. Каир, Дар аш-Шурук, 2010. (араб)], исследования фольклористов Ахмеда Рушди Салеха и Сейида Увейса и четырёхтомник географа Гамалья Хамдана «Египетская личность: исследования гения места», созданный в период с 1975 по 1984 гг. [Гамаль Хамдан. Шахсийат Мыср. Дираса фи абкарийат аль-макан. Каир: Мактабат аль-усра, 2001. (араб.)].

⁶ *Asad, Talal.* Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity. Stanford, CA: Stanford University Press, 2003. P. 253-254.

⁷ *Winegar, Jessika.* Creative Reckonings: The Politics of Art and Culture in Contemporary Egypt. Stanford, CA: Stanford University Press, 2006.

⁸ *Abu-Lughod, Lila.* Dramas of Nationhood: The Politics of Television in Egypt. Chicago: Chicago University Press, 2004. P. 135–172.

чия рассматриваются как чуждые для национального характера египтян явления⁹.

Приведём типичный пример образных рассуждений сторонника такого понимания египетского национального характера. «Давайте искать тот секрет скрытой силы, которая позволила египтянам остаться в живых, несмотря на пережитые ими катастрофы, каждая из которых могла бы сломать хребет самого сильного народа. Как много народов не смогли противостоять силам времени и силам зла! Просто спросите себя, где шумеры, аккадцы, хананеи, вавилонцы и другие современники древних египтян? Секрет кроется в одном талисмানে – «национальном единстве». Под ним мы не подразумеваем политическое единство, достигнутое при фараоне Менасе, когда он объединил королевства дельты и Верхнего Египта, ... но единство древних египтян как группы людей, существовавшее за тысячи лет до возникновения политического единства»¹⁰.

Элементом, позволяющим совместить первоначально светскую идеологию национального единства, базирующуюся на мысли о существовании некоего особого древнего и самобытного египетского характера, стал фараон Эхнатон (1351-1334 до н.э.). Известно, что этот правитель провёл религиозную реформу и установил культ единого бога солнца – Атона, что дало египтянам говорить, что именно у них впервые родилась вера в единого Бога. Некоторые копты обосновывают первенство египтян в поклонении единому Богу, ссылаясь и на Ветхий Завет¹¹: «Все сыны родины – мусульмане и христиане – являются коптами и египтянами, сынами Мицраима, отпрыска Ноя, мир ему. А Ной происходит от Адама, отца человеческой расы, в десятом поколении»¹². Интересно, что в вышеприведённой цитате коптами называются все египтяне, независимо от их религии, на основании происхождения слова «копт» от самоназвания страны - Египет.

---

⁹ Этот идеологический дискурс присутствует в работах людей самых разных убеждений – публициста и близкого соратника президента Насера Мухаммеда Хасанейна Хейкала (1923-2016); либерального публициста Гамаль Бадауи (1934-2007) исламиста Фахми Хувейди (1937), авторитетного юриста Тарика аль-Бишри (1933), когда-то симпатизировавшего социалистической идеологии, но в 1970-х гг. увлекшегося социально-политическим учением ислама.

¹⁰ *Гамаль Бадауи*. Муслимуна валь-акбат мин аль-махд иляль-магд. Каир: Дар аш-Шурук, 2000. С. 8-9 (араб.).

¹¹ См.: Быт. 10:6, 13.

¹² *Антуниус аль-Антуни*. Ватанийат аль-каниса аль-кибтийа ва тарихуха аль-муасыр (Патриотизм египетской церкви и её современная история). Т. 4. Каир: Шарикат ат-тыбаа аль-мысрийа, 2004. С. 216. (араб.).

Особую актуальность поиски общей надрелигиозной идентичности приобрели в контексте риторики о защите прав коптского меньшинства. Усиление политического ислама и рост фундаменталистских настроений, ставший особо заметным в 1970-х гг., привёл к участвовавшим нападениям на христиан со стороны исламистов и подстрекаемых ими отсталых масс. Государство на протяжении всего правления президента Хосни Мубарака чередовало силовую тактику с заискиваниями перед политическим исламом и даже попытками перехватить у него инициативу в деле внедрения исламских принципов в политику. Эта противоречивость внутренней политики не могла не сказаться отрицательно на положении коптов, чувствовавших себя всё менее защищёнными. В то же время ряд государств пытался оказывать политическое давление на Египет, прикрываясь лозунгами защиты прав религиозного меньшинства. В качестве реакции государственные идеологи пытались оспорить применимость термина «меньшинство» в отношении коптов и оправданность деления египтян на мусульман и христиан. Противники такого деления категорически отрицали наличие существенных культурных различий между египетскими мусульманами и христианами. Квинтэссенцией данной позиции является высказывание высокопоставленного функционера правившей во времена Хосни Мубарака Народно-демократической партии, публициста Мустафы аль-Фики: «Копты в Египте – уникальная группа по сравнению с другими меньшинствами в мире. Это так, потому что их глубокая и очевидная укоренённость в государстве, в долгой и хорошо известной истории делает их неотъемлемой частью ткани египетского народа (в большинстве мусульманского) в социальном и демографическом плане»¹³.

Ему вторит публицист Мухаммед Хасанейн Хейкал: «Что удивляло и продолжает удивлять меня, это то, что коптов Египта нельзя считать одним из меньшинств арабского мира и Ближнего Востока ни этнически, как курдов Ирака и берберов Магриба, ни конфессионально, как друзов или армян в Израиле или Ливане, ни даже религиозно»¹⁴. Вот в

---

¹³ *Аль-Фикы, М.* Аль-Акбат фис-сийаса аль-мысрийа: Макрам Убейд ва давруху филь-харака аль-ватанийа (Копты в египетской политике: Макрам Убейд и его роль в национальном движении) / Мустафа Аль-Фикы. – Каир : Дар аш-Шурук, 1988. С. 161 (араб.).

¹⁴ Можно предположить, что под конфессиональным меньшинством, противопоставляемым религиозному меньшинству, Хейкал подразумевает особые течения в данной религии, которые, по его мнению, представляют собой армянское христианство и друзская религия в отличие от других направлений христианства и ислама, распространённых в Израиле и Ливане.

чём секрет того, что выделяет египтян на протяжении всей истории этой земли, вот в чём секрет сплочённости цивилизационного блока, который представляет собой египетский народ»¹⁵.

Сейчас, в период обострившихся общественно-политических противоречий, когда религиозный элемент зачастую эксплуатируется силами, пытающимися дестабилизировать египетское государство, поиск начал, сохраняющих нацию от разделений, вновь становится актуальным. И вовсе не случайно в этой связи, что нынешний режим президента Абдельфаттаха ас-Сиси, пришедшего на смену исламисту Мухаммеду Мурси (2012-2013), вновь обращается к «национальной педагогике» времён Мубарака в поисках преодоления порождённых политическим исламом разделений.

---

¹⁵ *Хейкал, Мухаммед Хасанейн.* Аль-Акбат лейсуль-акаллия (Копты – не меньшинство). Каир: Дар аш-Шурук, 1994. С. 2 (араб.).